

2. Cm 132

БИБЛИОТЕКА
416 АВГ. 1911
И. М. У.

№ 57245
пр
№ 75

СВѢТЪ ХРІТОВЪ. ПРОВОЗВѢЩАЮЩЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей)

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 23. Vol. XV. — NEW YORK, DECEMBER 14, 1911, — 1 Декабря 1911 г. No. 23.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона.

Concerning freedom of Conscience.

By The Most Reverend Archbishop Platon.

(Продолженіе.)

Или эти лучниковцы, которые вмѣсто свѣчей, употребляютъ лучину и вѣрятъ, что «у кого она больше дымитъ, того молитва болѣе угодна Богу»; — лѣвяки, или лѣвшаци, которые утверждаютъ, что, при произнесеніи словъ молитвы Иисусовой «Сыне Божій», нужно полагать руку сначала на лѣвое плечо, а не на правое. Однако, между собой они жарко спорятъ о томъ, какъ нести руку съ лѣваго

(Continued.)

...And what about the *Woodsplint* (*Loochinovzi*) sectarians, who use wood splints instead of wax tapers and believe that the more the splint smokes in your hands, the more acceptable is your prayer to God? What about the *Leftshoulder* (*Levshaks*) sect, who claim that when the prayer “Son of God” is addressed to Jesus, hands are to be placed first on left shoulders and not the

плечь къ правому, надъ носомъ или мимо рта. (Тамъ-же, стр. 211). Не говоря, напр., о бѣгуистѣхъ и иѣтовцинѣхъ, въ которой сами себя сжигаютъ и поютъ о всеобщей гибели... Да и этотъ нашъ южно-русскій престолярный рационализмъ, этотъ невѣжественный стундизмъ, не вызываютъ ли не восхищеніе, а глубокую скорбь? Несчастные въ своемъ ослѣпленіи эти сектанты вступили на гибельный путь и пришли къ своему положенію, отдавшись водительство своего ума въ дѣлѣ вѣры, не желая знать никакого авторитета въ немъ. Между тѣмъ, «есть два пути, говоритъ бл. Августинъ, которымъ мы должны слѣдовать, когда насъ мучитъ мракъ окружающихъ явленій; это разумъ и авторитетъ. Разумъ освобождаетъ отъ мрака весьма немногихъ. Авторитетъ же бываетъ частію божественный, частію человѣческій; но истинный, прочный и высшій авторитетъ тотъ, который называется божественнымъ. Этотъ авторитетъ долженъ своими дѣлами показать свою власть, своимъ униженіемъ научить милосердію, — а все это дается въ той религіи, въ которую мы посвящаемся, и въ которой жизнь добродѣтельныхъ людей освящается авторитетомъ таинствъ. («О порядкѣ», гл. V, IX). Такимъ образомъ, по взгляду блаженнаго Августина, вѣрующій въ вопросахъ вѣры долженъ подчиниться авторитету Церкви.

Но какъ смотрѣли св. отцы на отношеніе къ иномыслящимъ изъ христіанъ? Вопросъ въ высшей степени важный.

Св. отцы Церкви охраняли цѣлость и единство исповѣданія вѣры Христовой и, если замѣчали, что въ недрахъ Церкви являлся чуждый, отступающій отъ единства вѣры, и упорно держащійся своего заблужденія, они предавали его анаемѣ или отлучали отъ Церкви, хотя при этомъ и сами относились и своимъ ученикамъ и пасомымъ заповѣдывали относиться къ нимъ съ участіемъ и даже любовью, какъ къ больнымъ, несчастнымъ, требующимъ строгаго обращенія, раствореннаго братскою участливостію. Св. Анастасій Але-

right, and who, nevertheless, have great disputes among themselves as to the way the hand should be moved from left to right, whether past the nose, or past the mouth? I shall not dwell on the sects of the *Runaway* and the *Not present*, who burn themselves to death singing about the perdition of all... And the religious rationalism of our southern peasantry, their ignorant *stundism* — what does it inspire one with, admiration or profound sadness? These unfortunate sectarians have entered in their blindness a dangerous path and come to their conclusions, trusting themselves to the guidance of their reason in matters of faith, accepting no other authority for it. Yet, St. Augustine says: “there are two ways we must follow when tortured by the obscurity of surrounding phenomena: they are reason and authority. Reason delivers but very few from this darkness. And authority is partly divine and partly human; but the true, the lasting and the supreme is the authority called divine. By its acts this authority must show its power, and by its humility it must teach charity, and all this can be obtained in the faith into which we are now initiated and in which the life of the righteous is consecrated by the authority of Sacraments” (*Concerning order*, Chapters V, IX). And so, in the opinion of St. Augustine, the believer must submit himself to the authority of the Church in questions of faith.

Now, how did the holy fathers think about the proper attitude towards Christians of a different persuasion?.. A very important question indeed.

The holy fathers of the Church guarded the integrity and unity of the confession of Christ's faith, and on noticing, within the Church, a man who deviated from the unity of faith and persisted in his error, they excommunicated him from the Church, or pronounced *anathema* on him, but at the same time they behaved and demanded that their

кенидрійскій, всю жизнь свою страдавшій отъ еретиковъ, всѣми мѣрами боролся съ ними, но никогда не прибѣгалъ къ насилію. «Религій свойственно», говоритъ онъ, не принуждать, а убѣждать. Не мечемъ и не оружіемъ проповѣдуется истина, а убѣжденіемъ и совѣтами» (Исторія арианъ, 67, 33). Такое отношеніе, по взгляду св. отца, должно быть къ уже соvrраценымъ, но не соvrрацающимъ другихъ христіанъ. Къ этимъ онъ становился совсѣмъ въ другія отношенія, вель непримиримую борьбу и требовалъ себѣ помощи въ этой борьбѣ отъ свѣтской власти. Известно, что императоръ Константинъ Великій смотрѣлъ за это на св. Аванасія, какъ на человека, крайне неспокойнаго, и подъ конецъ своей жизни даже сослалъ его въ заточеніе. (Сократъ, Ц. И. I, 35. Созомень, Ц. И. II, 28).

Св. Григорій Богословъ точно также училъ кротости и любви въ обращеніи съ еретиками. «Если ихъ трактуютъ врагами, говоритъ онъ, если ихъ отталкиваютъ, теряютъ души, за которыя умеръ Іисусъ Христосъ. Не будемъ снѣшить осужденіемъ ихъ; скорѣе — уступимъ имъ въ вещахъ, менѣе важныхъ, чтобы получить благо болѣе великое — ихъ согласіе. (Рѣчь 14). Но мы знаемъ, какъ онъ дѣйствовалъ, когда нужно было отстаивать въ Константинополѣ православіе. Энергичная и твердая борьба его съ еретиками до того довела послѣднихъ, что они подсылали къ св. отцу наемныхъ убійцъ.

«Простимъ людямъ заблудшимъ и помолимся о спасеніи ихъ, но будемъ неустанно сражаться съ ересью», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. (О непостиж. существа Божія, 11, 7); и хотя лично онъ былъ противъ крайнихъ насильственныхъ мѣръ въ борьбѣ съ еретиками, однако одобрялъ закрятіе ихъ собраній и отнятіе у нихъ церквей (Бесѣда на св. Мѡ. XXIX и XLVI). Историкъ Сократъ передаетъ со словъ другихъ, что Златоустъ отнял много церквей у новаціанъ и квартодециманъ (Ц. И. VI, 19). Бл. Іеронимъ, повидимому, оправдывалъ даже казнь пронагандистовъ —

disciples and flocks should behave with the greatest compassion and love towards these people, as towards unfortunate sufferers whose treatment needed much severity, diluted with brotherly affection. St. Athanasius of Alexandria, who suffered much from heretics all his life, struggled against them in every way, yet never used violence. "For religion it is proper, he says, not to force but to persuade. It is not with sword or weapon that truth is preached, but with persuasion and advice" (*History of the Arians*, 67, 33). This, in the opinion of the holy father, was the proper attitude to take towards those who were already astray, but did not attempt to lead others astray. Towards the latter his relation was quite different: he fought them relentlessly and in his fighting demanded help from the lay authority. It is known that this was the reason why Emperor Constantine the Great considered him to be an extremely turbulent man, sending him to prison towards the end of his life (Soerates, *Church History* I, 35, and Sozomenes, *Church History*, II, 8).

St. Gregory the Divine also preaches gentleness and compassion towards heretics. If they are treated as enemies, says he, if they are pushed aside, souls are lost for whom Christ had died. Let us not be in a hurry to condemn them; rather let us give in to them in things of no importance, in order to attain the greater good, — their reconciliation" (Homily 14). Yet we know how he acted when it came to defending orthodoxy in Constantinople. His firm and energetic struggle with the heretics lead the latter to hire assassins to slay the holy father.

"Let us forgive those who are in error and pray for their salvation, but let us fight heresy unrelentlessly", says John Chrysostom (*Concerning the Inconceivable being of God*, 11, 7). And though personally he was against measures of extreme violence in resisting heretics, yet he approved the closing

обольстителей, ссылаясь на Втор. XIII, 6—10. «Я не могу слышать равнодушно подобнаго святотатства (которое допускалъ Вигиланцій), пишет бл. Иеронимъ пресвитеру Рипарию». Читалъ я о сулицѣ Финееса (Числ. XXV), о суровости Илїи (Цар. XVIII), ревности Симона Хананея, строгости Петра, умерщвляющаго Ананїю и Сапфиру (Дѣян. V), твердости Павла, осудившаго на слѣпоту волхва Елима, противившагося путямъ Гоеподнимъ (Дѣян. XIII). Любовь къ Богу не есть жестокость. Поэтому и въ законѣ говорится: если братъ твой, или другъ твой, или жена, яже на лонѣ твоемъ, захотятъ совершить тебя... да будетъ рука твоя на нихъ, да прольешь кровь ихъ и да измещи злое отъ Израїля (Втор. XIII и XVII). (Письмо 89. Твор. бл. Иеронима Стрид. Ч. III. стр. 59). Бл. Августинъ, послѣ неудачнаго опыта съ донатистами, которыхъ онъ не могъ обратить на путь истины ни бесѣдами, ни сочиненїями, сталъ оправдывать преслѣдованїе еретиковъ (Письмо 185 къ Бонифацію).

Папа Левъ Великій оправдывалъ даже смертную казнь (Epist. XV ad Turribium). Но такой взглядъ на это дѣло проводился отдѣльными лицами и преимущественно Отцами западной Церкви; вообще — всѣ святые отцы въ своихъ отношенїяхъ къ иномыслящимъ поступали въ духѣ Христовой вѣры. Ко всѣмъ людямъ относились они съ одинаковою любовїю, но цѣлость своей вѣры и вѣренной имъ чистоты отстаивали съ готовностью положить за это дѣло и душу свою. На насилїя со стороны еретиковъ они отвѣчаютъ должными мѣрами, а противъ заблуждений ихъ дѣйствуютъ убѣжденїемъ. Дѣйствуя такъ, они поступаютъ по заповѣди Спасителя, Который съ возможною ясностію опредѣляетъ характеръ отношенїй его послѣдователей къ иномыслящимъ. Однажды Спаситель со своими учениками пришелъ въ самарянское селенїе, но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Иерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали:

of their gatherings and taking their churches away from them (Homily on the gospel according to St. Matthew, XXIX and XLVI). Socrates, the historian, records on hearsay that St. John Chrysostom seized many churches of the Novatian and the Quartodeciman heretics (History of the Church VI, 19). St. Jerome, it would seem even justified the chastisement of the propagandists of falsehoods, referring to Deuteronomy XIII, 6—10. St. Jerome writes to presbyter Riparius: "I can not hear with equanimity of so great a blasphemy (permitted by Vigilant). I have also read about the javelin of Phinehas (Numbers, XXV), the sternness of Elijah (1 Kings, XVIII), the zeal of Simon the Chananian, the severity of Peter putting Ananias and Sapphira to death (Acts V), the firmness of Paul who condemned Elymas the Sorcerer to blindness for resisting the ways of the Lord (Acts XIII). Love of God is not cruelty. Therefore the law says: "if thy brother, the son of thy mother, or thy son, or thy daughter, or the wife of thy bosom, or thy friend, which is as thine own soul, entice thee secretly... thine hand shall be first upon him to put him to death... and thou shalt put away the evil from Israel!" (Deuteronomy XIII and XVIII). (Epistle 89, Works of St. Jerome, III, p. 59). After his unsuccessful experience with the Donatists whom he sought in vain to bring back to the path of truth either in speech or writing, St. Augustine justified the persecution of heretics (Letters to Boniface, 185).

Pope Leo the Great justified even the penalty of death for heretics (Epistle, XV ad Turribium). However, such extreme view of the matter was propounded by separate individuals, for the most part fathers of the Western Church, but generally speaking all the holy fathers acted towards those whose opinions differed from theirs with true Christian spirit. They treated everybody

Господи! хочешь-ли мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: «не знаете, какого вы духа». (Лук. IX, 51—55).

Какой же это духъ?

Духъ этотъ есть духъ любви христіанской, той любви, которой требуютъ отъ своихъ послѣдователей Спаситель, которой учатъ святые апостолы и въ духъ которой живутъ и дѣйствуютъ святые отцы Церкви.

Мы знаемъ, что сущность христіанскаго ученія и христіанской жизни сводится къ одному чувству, чувство это — любовь. Вся жизнь Христа, принесшаго Себя въ жертву правдѣ Божіей, есть не что иное, какъ выраженіе любви,—въ ученіи Его слышенъ одинъ голосъ — голосъ безраздѣльной любви, вѣсть одинъ духъ, духъ самой полной любви. «Возлюби Господа Бога твоего всею сердцею твою, говоритъ Іисусъ некушавшему Его законнику, и всею душею твоею, и всею разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и большая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки (Мат. XXII, 37—40). Любовь христіанская, по слову Спасителя, обнимаетъ въ Богѣ все человѣчество, даже и враговъ. Предъ нею исчезаетъ всякое различіе происхожденія и положенія: «Кто есть мой ближній?» спрашиваютъ у Іисуса. Не только іудей, котораго ты обязанъ любить по закону, но и самарянинъ, котораго твой законъ учитъ тебя проклинать (Лук. X, 29—37). «Когда дѣлаешь щръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, говоритъ Іисусъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ» (Лук. XIV, 13—14). «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обидящихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего Небес-

with equal kindness, but defended the integrity of their faith and that of the flocks, with which they were entrusted, readily risking their lives for it. They meet violence on the part of heretics with due measures, and influence their errors with persuasion. Thus they act in accordance with the Saviour's command who defined as clearly as possible the character of the relation between his followers and those who thought otherwise. Once Saviour came to a Samaritan village with his disciples, "and they did not receive Him because His face was as though He would go to Jerusalem; and when His disciples James and John saw this, they said: Lord, wilt thou that we command fire to come down from heaven and consume them, even as Elias did? But He turned and rebuked them and said: Ye know not what manner of spirit ye are of" (St. Luke, IX, 51—55).

What then is this spirit?

This spirit is the spirit of Christian charity, the charity which our Saviour demands from all His followers, which the holy apostles teach and in which live and act the holy fathers of the Church.

We know that the essence of Christian teaching and Christian life comes to the single feeling of love. The whole life of Christ, who sacrificed Himself to the truth of God, is nothing but an expression of love; in His teaching we hear but the voice of limitless love, feel the breath of one spirit — the spirit of the most perfect love. "Thou shalt love the Lord thy God with all thy heart, and with all thy soul and with all thy mind. This is the first and great commandment. And the second is like unto it, Thou shalt love thy neighbor as thyself. On these two commandments hang all the law and the prophets" (St. Matthew, XXII, 37—40). According to the word of the Saviour, Christian charity embraces in God all humanity, even the enemies. Before it, disappears all

наго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже-ли дѣлаютъ и мытари? И если вы приветствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?» (Мф. V, 43—47). Въ прощальной бесѣдѣ своей съ учениками Спаситель съ особенною силою указываетъ на новую заповѣдь «любить другъ друга». Эта любовь взаимная должна была, по Его словамъ, показать всему міру Его истинныхъ учениковъ. «Ся есть заповѣдь Моя, говоритъ Онъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ; нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. XV, 12—13).

Тѣмъ-же духомъ любви проникнута жизнь и учение и непосредственныхъ учениковъ Христа, Его апостоловъ. Обращаясь къ малоазійскимъ христіанамъ апостолъ Петръ говоритъ: «послушаниемъ истинѣ чрезъ Духа ожививши души ваши къ нелицемѣрному братолюбію, постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца» (1 Петр. I, 22), «болѣе всего имѣйте усердную любовь другъ ко другу» (1 Петр. IV, 8). Апостолъ Іаковъ называетъ любовь закономъ царскимъ (II, 8). Святый Іоаннъ Богословъ постоянно повторяетъ въ своихъ писаніяхъ заповѣдь о любви, полученную имъ отъ возлюбленнаго Учителя, заповѣдь, которая, по преданію, не сходила съ его устъ до самой смерти. «Кто говоритъ, учитъ оны, что оны во свѣтъ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любить брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтъ, и нѣтъ въ немъ соблазна» (1 Іоан. II, 10). «Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего. Ибо таково благодѣтельство, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга.

«Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не

difference in human birth and position. "And who is my neighbour?" is asked of Jesus. And the answer is: not only the Jew whom thou art obliged to love according to law, but the Samaritan also, whom the law teaches thee to curse (St. Luke, 29—37). "But when thou makest a feast call the poor, the maimed, the lame, the blind: and thou shalt be blessed; for they can not recompense thee" (St. Luke, XIV, 13—14). "Ye have heard that it hath been said, Thou shalt love thy neighbour and hate thine enemy; but I say unto you, love your enemies, bless them that curse you, do good to them that hate you and pray for them which despitefully use you and persecute you; that you may be the children of your Father which is in heaven: for He maketh His sun to rise on the evil and on the good, and sendeth rain on the just and the unjust. For if ye love them which love you, what reward have ye? Do not even the publicans the same? And if ye salute your brethren only, what do ye more than others? Do not even the publicans so?" (St. Matthew, V, 43—47). In His farewell talk with His disciples, the Saviour puts an especial stress on a new commandment that they should love one another. This mutual love, He said, should show His true disciples before all the world. "This is my commandment, He says, that ye love one another, as I have loved you. Greater love has no man than this, that a man lay down his life for his friends" (St. John, XV, 12—13).

The same spirit of love permeated the life of the direct disciples of Christ, His apostles. Addressing the Christians of Asia Minor, St. Peter says: "Seeing ye have purified your souls in obeying the truth through the spirit unto unfeigned love of the brethren, see that ye love one another with a pure heart fervently" (1 Peter, I, 22), "and above all things have fervent charity among yourselves" (1 Peter, IV, 8). St. James

любви братъ пребываетъ въ смерти. Любовь познали мы въ томъ, что Отецъ положилъ за насъ душу Свою: и мы должны положить души свои за братьевъ. Дети мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною» (1 Иоан. III, 10, 11, 14, 16, 18). Любовію проникнута вся проповѣдь и Апостола языкомъ: «если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю то я — мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познание и всю вѣру, такъ-что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, — то я ничто. И если я раздаю все имѣніе мое и отдаю тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упродитается» (1 Кор. 1—3, 8).

Церковь въ своемъ ученіи оставалась всегда вѣрною новой заповѣди своего Основателя и Его непосредственныхъ учениковъ. Творенія ея отцовъ и учителей проникнуты тѣмъ-же духомъ любви, обнимающей собою все, даже самыхъ враговъ и преслѣдователей христіанъ. Тертуліанъ въ своей знаменитой Аналогіи пишетъ язычникамъ: «вы забываете, что вы сами служите предметомъ нашей любви, что любовь христіанская обнимаетъ также васъ и съ вами весь міръ. Вы забываете, что, не смотря на ваши преслѣдованія, мы молимся за васъ и дѣлаемъ вамъ добро; что если мы не даемъ ничего для боговъ вашихъ, то даемъ для вашихъ бѣдныхъ; забываете, что наша любовь раздаетъ на вашихъ улицахъ болѣе милостыни, чѣмъ ваша религія приноситъ жертвъ въ вашихъ храмахъ» (гл. 37—38, 42). Вся свѣтоотеческая письменность есть собственно развитіе той мысли, что царство Божіе, основанное на землѣ Спасителемъ міра, есть царство любви. Членовъ этого царства, по заповѣди Основателя его, должно одушевить въ жизни одно чувство, чувство любви. Самые великіе аскеты, отреч-

calls charity the royal law (II, 8). St. John the Divine constantly repeats in his writings the commandment of love, which he received from his beloved Master and which, tradition says, never left his life to his very death. "He that saith he is in the light and hateth his brother, is in darkness even until now; he that loveth his brother abideth in the light, and there is none occasion of stumbling in him" (I, St. John, II, 9—10). "In this the children of God are manifest, and the children of the devil: whosoever doeth not righteousness is not of God, neither he that loveth not his brother. For this is the message that ye heard from the beginning that we should love one another... We know that we have passed from death unto life because we love the brethren. He that loveth not his brother abideth in death... Hereby, perceive we the love of God, because He laid down his life for us: and we ought to lay down our lives for the brethren... My little children, let us not love in word, neither in tongue; but in deed and in truth" (1 St. John III, 10, 11, 14, 16, 18). The sermons of the apostle of the heathens is also permeated with love: "Though I speak with the tongues of men and of angels, and have not charity, I am become as sounding brass or a tinkling cymbal. And though I have the gift of prophecy and understand all mysteries and all knowledge; and though I have all faith, so that I could remove mountains, and have not charity, I am nothing; and though I bestow all my goods to feed the poor, and though I give my body to be burned, and have not charity, it profiteth me nothing... Charity never faileth; but whether there be prophecies, they shall fail; whether there be tongues, they shall cease; whether there be knowledge, it shall vanish away" (1 Corinthians XIII, 1—3, 8).

The Church had always remained faithful to the new commandment of its Founder and his immediate disciples. The works of

шеся отъ міра и удалившіеся изъ него, жи-
вуть исключительно этимъ чувствомъ и на-
чаютъ ему другихъ. «Безъ любви къ ближне-
му, говоритъ Исаакъ Сиринъ, и умъ не мо-
жетъ просвѣтиться собесѣдованіемъ съ Бо-
гомъ и Божественною любовью» (Хр. Чт.
1821 г. ч. III, стр. 130—131). Любовь къ
ближнему должна быть непрежънно дѣятель-
ною, а не мысленною только. «Ни одинъ чело-
вѣкъ, пишетъ Исаакъ Сиринъ, не смѣетъ ска-
зать, что онъ имѣетъ любовь къ ближнему,
когда онъ имѣетъ ее только въ душѣ своей, а
оставить ту ея часть, которая исполняется тѣ-
ломъ по силамъ и обстоятельствамъ времени и
мѣста, способствующимъ къ дѣйствованію;
ибо тогда только (т. е. когда любовь къ ближ-
нему доказана дѣлами) можно повѣрить и
узнать, что и въ сѣрцаніи ума есть любовь»
(Тамъ же, стр. 136—137). Дѣятельная лю-
бовь къ ближнему рождаетъ въ христіанинѣ
смиреніе, смиреніе приводитъ его къ искрен-
ному и глубокому сокрушенію о своихъ грѣ-
хахъ, что даетъ ему силу противоборствовать
страстямъ для достиженія нравственной чи-
стоты; а когда онъ достигъ внутренней чистоты,
тогда душа его становится способною
имѣть сыновнее дерзновеніе къ Богу; а это
служитъ доказательствомъ того, что онъ сдѣ-
лался приснымъ Богу. Такимъ образомъ, лю-
бовь приближаетъ человѣка къ Богу, дѣлая
его чадомъ Божиимъ и храмомъ Духа Свята-
го. Таковъ взглядъ на любовь и значеніе ея
высказываетъ преп. Исаакъ Сиринъ. Этого
взгляда держатся и всѣ другіе отцы Церкви
и учителя, утверждая при этомъ, что любовь
къ ближнимъ есть выраженіе высшей любви
къ Богу. «Первая заповѣдь (возлюбилши Гос-
пода Бога Твоего), по словамъ Василія Вели-
каго, служитъ основаніемъ второй (возлюби-
ши ближняго твоего) и чрезъ вторую мы ис-
полняемъ первую». «Нужно, говоритъ блаж.
Августинъ, все относить къ Богу; *вз Немз и
для Него* нужно любить всѣхъ людей. Григо-
рій Великій говоритъ: «большая часть людей
любитъ ближнихъ своихъ себя. Но Богъ при-

its fathers and teachers are penetrated with
the same spirit of love, which embraced all,
even the enemies and persecutors of Chris-
tians. Tertullian writes to the heathen in his
famous Apology: "you forget that you your-
selves are an object of our love, that Chris-
tian love embraces you as well and all the
world with you. You forget that in spite of
your persecutions, we pray for you and do
good to you; that if we give you nothing for
your gods, we give to your poor; you forget
that our charity distributes more alms on
your streets, than your religion offers up
sacrifices in your temples" (Chapter 37—38,
42).

All the patristic literature is nothing
but the expounding of the idea, that the
kingdom of God, founded on earth by the
Saviour of the world, is the kingdom of love.
According to the commandment of its
Founder, the members of this kingdom
ought to be inspired by one feeling in their
lives, the feeling of love. The greatest asce-
tics, who renounced the world and went away
from it, live by this feeling alone, teaching
it to others.

Isaac of Siria says: "Without love for
one's neighbour the mind itself could not
be enlightened by communing with God and
divine love" (Christian Reading, 1821, vol.
III, pp. 130—131). The love of one's neigh-
bour should be in action and not in thought
alone. "No man, writes Isaac of Siria,
should dare to say that he loves his neigh-
bour if he has it in his soul only, neglecting
that part of it, which the body fulfills to the
best of its ability according to circumstances
of time and place, favorable to the action;
for then only (that is when the love of one's
neighbour is proven by deeds) it is possible
to believe and know that the contemplations
of mind also have love" (The same, pp. 136
—137). Active love of one's neighbour be-
gets humility in the Christian, humility
brings him to deplore his sins sincerely and

каждаетъ намъ любить нашихъ друзей въ Немъ и нашихъ враговъ ради Него.

Любовь Божія обнимаетъ себя все твореніе. Мы, христіане, какъ и все человечество, восприняты въ планъ этой любви и потому крѣпкія узы соединяютъ человека съ человечествомъ, съ его ближними. Устественный союзъ въ Богъ является тѣснѣйшимъ союзомъ братства, связывающимъ все человечество общностью въ интересахъ и цѣляхъ, по дѣйствию Божественной воли. Еще болѣе тѣсная связь устанавливается между людьми, какъ членами Церкви Христовой, которая должна охватить и соединить въ будущемъ все человечество. Христосъ учредилъ на землѣ царство, обнимающее и соединяющее всѣхъ однимъ общимъ чувствомъ любви. Тѣ, кто не проникся этою любовью, тѣ внутренно не участвуютъ въ благодатномъ союзѣ любви, хотя бы и принадлежали къ нему внѣшне. Религіозный характеръ христіанской любви, возводящей все къ Богу, придаетъ единство человеческой жизни, скрываетъ всевозможныя обнаруженія ея и возвышаетъ человека къ дѣятельности.

Какимъ же образомъ зачинается въ сердцѣ человека эта любовь? Христіанская любовь есть даръ Святаго Духа. «Любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ» (Рим. V, 5). Слѣдовательно, христіанскую любовь можетъ имѣть только человекъ, возрожденный Духомъ Святымъ, какъ говоритъ и другой апостолъ: «любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (1 Иоан. IV» 7). Воспламеняется же въ сердцѣ нашемъ христіанская любовь чрезъ приращеніе, такъ сказать, сердца нашего къ безконечной любви Божіей къ намъ, явленной въ Иисусѣ Христѣ. «Любовь Христова объемлетъ насъ, разсуждающихъ такъ: если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли. А Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго» (2 Кор. V, 14, 15). «Любовь познали мы въ томъ, что Онъ

profoundly, which gives him the power to resist passion for the attainment of moral purity; and when he attains inner purity, his soul is enabled to feel a filial longing towards God; and this is the proof that he has grown to be near God. Thus, love brings man near to God making him a child of God and the temple of the Holy Spirit. This is the view St. Isaac of Syria holds of charity and its significance. Other fathers and teachers of the Church share it, claiming that love of one's neighbour is the expression of the highest love of God. "The first commandment (love thy Lord), says St. Basil the Great, serves as a foundation to the second (love thy neighbour), and through the second we fulfill the first". St. Augustine says: "everything should be related to God; in Him and for Him we should love all men". St. Gregory the Great says: "Most people love their neighbours for their own sake, but God commands us to love our friends in Him and our enemies for His sake".*

The love of God embraces all creation. We Christians, like all humanity, have been made part of the plan of this love, and therefore strong bonds bind man to humanity, to his neighbours. The natural bond in God is the closest bond of brotherhood, binding all humanity in common interests and objects, in obedience to divine will. A still closer bond is established in the Church of Christ, which is to enclose and unite all humanity in the future. Christ established on earth a kingdom which embraces and unites all by the same general feeling of love. Those, who failed to permeate themselves with this love, have no interior share in the grace-giving bond of love even if they do belong to it exteriorly. The religious character of Christian love, which raises everything up to God, gives unity to human life, binds all the vari-

* All quotations from the Holy Fathers are made here from a Russian translation.—Vera Johnston, trans.

положить за насъ душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ» (1 Иоан. III, 16). Значитъ, источникомъ христіанской любви служить безпредѣльная любовь Божія къ намъ въ Его Сына: «будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ» (1 Иоан. IV, 19), а «любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него» (1 Иоан. IV, 9).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній с утника
Его Высокопреосвященства.

(Продолженіе.)

Немножко философіи.

Ситкинскіе Hot Springs! Горячіе источники!

Удивительное существо — человекъ! Десятки тысячъ людей, рискуя жизнью, нживая болѣзни, терпя и голодь и холодъ, ломались черезъ непреодолимые твердыни Аляскаго побережья въ погоню за золотомъ Клондайскимъ. Тысячи безвременно загубили себя и почли закутанные сѣжнымъ саваномъ, задавленные льдами, истощенные голодомъ, сраженные ножемъ и коварной рукой своихъ завистливыхъ товарищей по поискамъ счастья и скорой нживы; миллионы людей изъ всѣхъ концовъ міра провожали этихъ смѣльчаковъ жадными глазами, мысленно сопровождали ихъ, ослѣпляемые блескомъ золота, золота и золота... Искали нживы и находили смерть, или здоровыми и стаповились калѣками, или съ надеждой завоевать счастье, и не находили возврата въ родную землю...

Помню, виделся въ эту безконечную цѣль искателей счастья здоровенный юноша Станукинась. Ни гроша за душой, а сияетъ самъ во весь ротъ... Изъ Москвы товарищи провожали, чуть не въ складчину денегъ

ety of its possible manifestations and lifts man up towards activity.

How is this love conceived in the heart of man? Christian love is the gift of the Holy Spirit. "The love of God is shed abroad in our hearts by the Holy Ghost which is given unto us" (Rom. V, 5). Consequently, Christian love can be had only by those regenerated of the Holy Spirit, which is confirmed still by another apostle: "love is of God; and every one that loveth is born of God, and knoweth God" (1 St. John, IV, 7). And the fire of Christian love is lit in our hearts by our hearts being, so to speak, blended to the infinite love of God for us, manifested in Jesus Christ. "For the love of Christ constraineth us; because we thus judge, that if one died for all, then were all dead; and that he died for all that they which live should not henceforth live unto themselves, but unto him which died for them and rose again (2 Corinthians V, 14—15). "Hereby perceive we the love of God because he laid down His life for us: and we ought to lay down our lives for the brethren" (1 John, III, 16). Therefore the source of Christian love is for us in the unlimited love of God for men, manifest in His Son. "We love him, because he first loved us" (1 St. John IV, 19), and "in this was manifested the love of God toward us, because that God sent his only begotten Son into the world, that we might live through him" (1 St. John IV, 9).

(To be continued.)

на билетъ до Нью Йорка собрали, въ путь дорогу выправили... Надѣялись: «э, нашъ Ванька назадъ на своей яхтѣ приѣдетъ»... А Ванька какъ въ Нью Йоркѣ поосмотрѣлся, туда-сюда метнулся: «врали, должно, люди, что въ Америкѣ по улицамъ золото валяется, — бери—не хочу», и сталъ на жидовскомъ возу яблоки по городу развозить да выкрикивать: «аппэлъ», да «аппэлъ». «И тяжело же, не повѣрите. Орешъ—орешъ, а къ вечеру еле-

еле на вѣду наблочишь»... Но духомъ не падалъ, и очень съ мѣстнымъ русскимъ острякомъ подружился. Тому больше всего фамилія юноши по сердцу приплась.

«А, жметъ Ванькѣ онъ руку, какъ дѣла, Мг. Станукинась, Станукивась, Станукипхъ?..»

И вотъ до С. Франциско юноша зготъ добрался, а розовыя упованія его массою лишены, когда зайцемъ чрезъ континентъ пробрался, не помрачилось, и вѣсточку отъ него когда онъ собрался на Аляску, получили, а затѣмъ... вотъ уже лѣтъ 12, о Ванькѣ ни слуху, ни духу. Не вѣдетъ нашъ Ванька ни пѣнкомъ, ни на яхтѣ... Живъ ли ты, Ванька?..

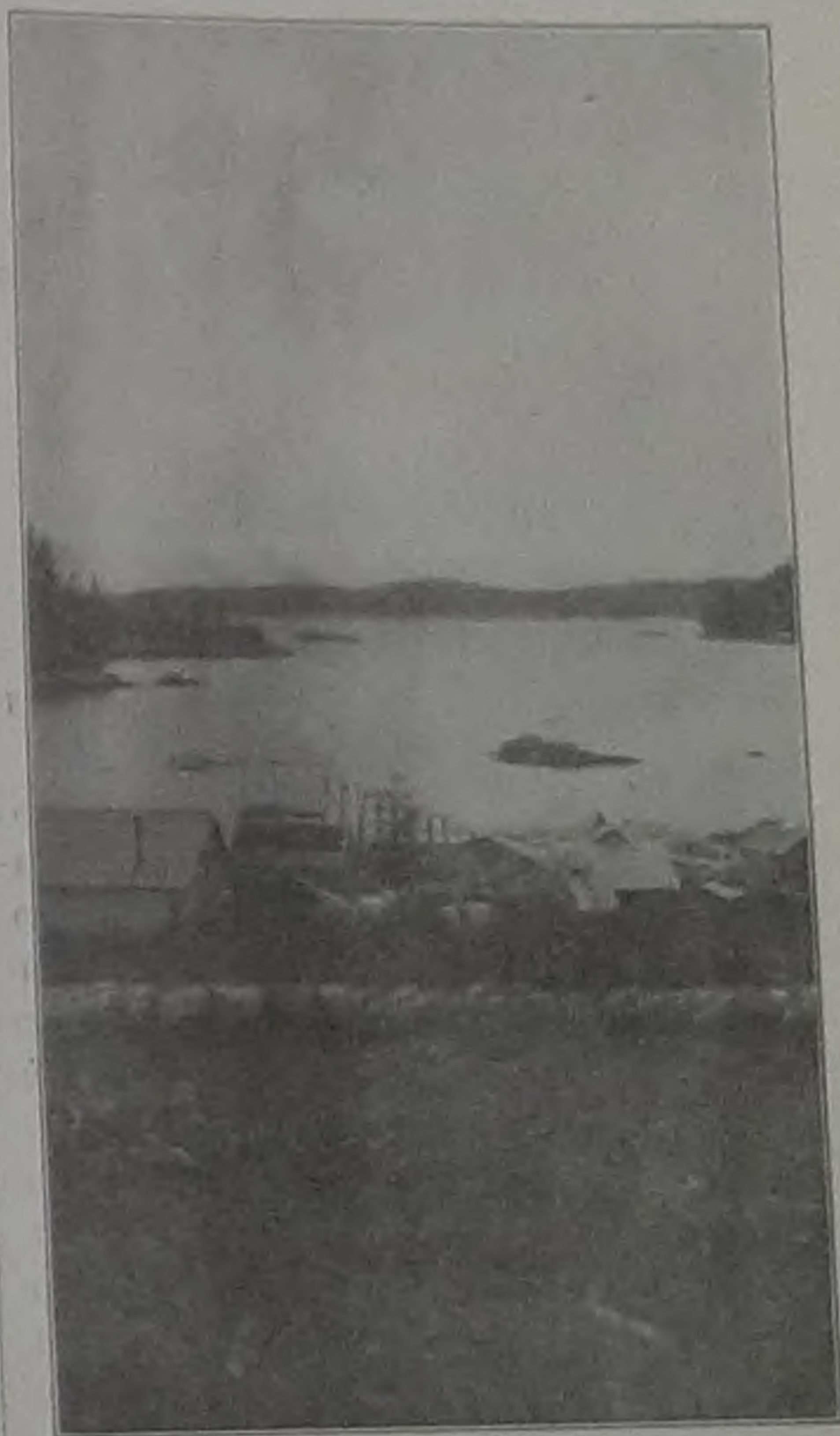
А такихъ были тысячи и изъ земель славянскихъ, были и съ матушки Руси!

А вотъ, тамъ же на Аляскѣ, съ Ситкой рядомъ, рукой подать, — кладъ, какъ есть кладъ. Нездоровымъ здоровье возвращается, калѣки костыли свои павѣки кидаютъ, новыми людьми становятся. Поньютъ водицы, обольются ею, и заходитъ силушка по жилочкамъ. И однако, кто идетъ туда? Многіе ли изъ страждущаго, болящаго человечества про горячіе источники Ситкинскіе слышали? Многіе ли туда свои мечты и желанія устремляли?.. Даже промышленный, предприимчивый янки, даже изворотливый всемірный жидъ не додумались еще использовать этотъ дивный даръ Провидѣнія, обратить его въ Виоезду въ притворами, чрезъ которые бы потекли сюда тысячи разслабленныхъ. Конечно, и это придетъ въ свое время, и тогда Аляска еще болѣе выростетъ въ своей славѣ. Пока же, въ числѣ немногихъ жаждавшихъ движенія сей воды оказался нашъ болящій спутникъ, ради котораго и предпринято было Его Высокопреосвященствомъ путешествіе на «горячіе источники».

Въ Hot Springs.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы самъ. Промысль Божій приблизилъ окончательно свидѣнагося съ погъ о. Всеволода къ цѣлитель-

пой Ситкинской купели. Владыка недоумѣвалъ, что съ нимъ дѣлать, какъ быть. Привязанный къ постели о. Всеволода, потерялъ всякую любознательность, дневникъ его блестяще унынемъ въ эти дни. И въ такія минуты почти безвыходнаго положенія, кто то бро-

Hot Springs.

силъ вдругъ вскозь догадку: хорошо бы-де о. діакону побывать на источникахъ! Хорошо бы!.. Не хорошо, а необходимо. Стали рассказывать, стали приводить случаи тамъ исцѣлений, — вопетину чудотворные источники! У Владыки почти недѣля оставалась до отплытія въ болѣе далекую Аляску, значитъ времени дѣя того, чтобы отвезти спутника на источники и устроить его тамъ, было достаточно. А тутъ кетати и семья доктора, вла-

дѣльца земли, къ которой эти цѣлебныя воды протекаютъ, случился въ Ситкѣ, и отъ него мы узнали условія содержанія тамъ индейцевъ. Да и наши мальцы какъ разъ собирались на рыбную ловлю, запасать салмонъ на зиму, — ибо время улова лѣтняго подошло, — въ Озерный редуть, на пути къ Hot Springs, готовясь тамъ провести чуть не двѣ недѣли, и Владыка очень хотѣлъ посмотреть ихъ за этимъ занятіемъ, а вмѣстѣ и самый ре-

его свиты, какъ разъ маршировала единственная Ситкинская рота, подъ командой своего воинственнаго капитана. Капитанъ не преминулъ оказать высокому Гостю Ситки знаки воинскаго почтенія, щегольнувъ своей военной выправкой такъ, что нельзя было имъ и его воинствомъ не залюбоваться. Сдѣлали на караулъ, и затѣмъ — грудь колесомъ, — вкопанный точно статуя, произвелъ сей стражъ Ситки нѣсколько эволюцій, вызвавшихъ ис-

Отъѣздъ изъ Ситки въ Hot Springs

дутъ посмотреть, гдѣ уже проводила лѣто большая часть Ситкинскихъ индейцевъ.

И вотъ, 14 июня, опираясь на костыль и на плечо одного изъ сильнѣйшихъ питомцевъ пріюта, о. Всеволодъ заблаговременно направился къ пристани, сокрушенно поглядывая на витрины мѣстныхъ магазиновъ, изъ которыхъ такъ заманчиво глядѣли неотразимыя для него открытки. «Не для меня» — такъ и можно было прочесть въ его взглядѣ. А полчаса спустя, — помолвившись въ крестовой церкви, окруженный спутниками, пошелъ туда же в Высокопреосвященнѣйшій Владыка. Отъѣздъ вышелъ параднымъ. На площади почти прилегающей къ пристани, гдѣ уже красовался разукрашенный газелиновый ботикъ, приготовленный для Архиерея и

кренній восторгъ наблюдателей. Отдѣлка, чистота, безупречность. Раздалась барабанная дробь и какъ въ Ситкѣ военной духовой музыки нѣтъ, понеслись изъ оконъ мѣстнаго штаба марши усердно наигрываемые фонографомъ... Словомъ, все что въ печи, все на столъ мечи!

Не такъ отвѣчала сему параду погода: пасмурное небо, не то — сырость, не то — дождичекъ, мы въ вѣчныхъ дождевикахъ, не разгаданное море, заволоченный облаками горизонтъ, — бррр!.. Ботикъ маленькій, только тронулись — стало покачивать, а какъ подошли къ заливу, изъ котораго глянуло открытое море, и вѣтерокъ засвѣжилъ, такъ все окна захлопнули, — нѣтъ, нѣтъ, да и хлестнетъ буйная волна поверхъ всего нашего су-

дешышка, велика ли это штатечка для такого прожорливаго чудовища?.. Часа четыре ѣхать надо было. Много можно было поговорить за это время, коли бы охота была. Но въ лодкѣ тяжело дышать, читать, а говорить и вовсе не хотѣлось. Сидѣть устали до-нельзя. И какъ бываетъ, что подь ночь все больше о покойникахъ, призракахъ и иныхъ страхахъ повѣствуютъ, такъ и тутъ — чѣмъ бы насъ успокоить — о. А. Кашеваровъ, самъ шловецъ безстрашный и виды видавший, сталъ разсказывать о томъ, какъ здѣсь иногда такія же

способленія при источникахъ, какъ примитивныя постройки, бассейны, ванны и пр. Простота. Желобки — двѣ планочки склоченныя угломъ, резервуары — деревянные ящики въ отверстіяхъ вверху. Черная и ней. Изъ резервуаровъ отведены трубы въ закрытый сарай, гдѣ устроены въ трехъ камерахъ деревянные же ванны съ кранами и заслонками. Откроешь заслонку — вода стечетъ, закроешь — ванна наполнится. Вода бѣжитъ изъ двухъ родниковъ, неодинаковой температу-

Покои Владыки въ Hot itka Springs.

лодочки напарываются на неизвѣстные подводные камни, какъ въ иныхъ мѣстахъ идешь наугадъ, ибо дна не знаешь, и т. д. Словомъ, полный комфорт!.. А самъ, ничтоже сумняся, вылѣзъ изъ закрытой комнатки на крышу ботика и поправляетъ тамъ что надо. Двумъ де смертямъ не бывать, одной не миновать!

Поэтому вдвойнѣ приятно было, когда наконецъ къ желанной землѣ приблизилась и подь сильнымъ дождемъ на мостки у берега высадилась. Первымъ дѣломъ большого устроили: комнату ему отдѣльную дали съ окномъ на безбрежный горизонтъ моря и островковъ, разстилающихся далеко внизу. Досмотрѣвъ сіе, и Его Высокопреосвященство пошелъ въ уготованное ему помѣщеніе, — тоже одну комнатку, въ небольшомъ домикѣ, тутъ же рядомъ.

Исцѣленный.

Дальше-то по настоящему Hot Springs и описывать не надо бы: помѣщаемые рисунки сами разскажутъ какъ элементарны при-

Владыка у ключей.

ры: одна умѣренно теплая, другая почти кипятокъ, — яйцо въ семь минутъ въ ней сварится. Есть и еще на островѣ ключи, — но тѣми теперь не пользуются. Избытокъ воды, — а его масса, — отведенъ въ особыя трубы,

проложенныя подь овощными парниками; и дешево и сердито, даровое отопленіе. И овощи здѣсь поэтому побогаче Ситкивскихъ.

Что время дорогое тратить? Какъ приѣхали мы, такъ сейчасъ за курсъ леченія и пришились. Вооружились стаканами и хлебнуды: вотъ противно-то! Былъ когда-то я въ Карлебадѣ проездомъ, тамъ пробовалъ такіе же напитки, такъ тѣ нектаръ въ сравненіи съ этими!.. Впрочемъ, нектара я вѣдь не пробовалъ... Одно хорошо: доктора нѣтъ здѣсь, лечись кто какъ гораздъ. Одни совѣтуютъ — пей до изнеможенія, чѣмъ чаще тѣмъ лучше. Другіе — послѣ ѣды. Третьи — только до ѣды. А капитанъ какой-то тутъ проживалъ цѣлыми годами, такъ тотъ даже въ наглядку лечился. Сидитъ у себя въ каютѣ, — по соседству съ Владычней его комната была, — словно птица особающаяся на здѣ, выглядывать на свѣтъ Божій, ружье чрезъ плечо перекинуто, будто на охоту идетъ, и собака съ нимъ рядомъ. Постоитъ, постоитъ, и опять къ себѣ на постель, трубку курить, да въ потолокъ плевать. И опять захрапѣть. А самъ на насъ сваливать, будто русскіе очень громко свистѣть.

Кабы не онъ, да не хозяйка съ сыномъ-юношей лѣтъ 18, такъ по первому взгляду подумать можно было бы, что мы на необитаемый островъ попали. Поприслѣдывались потомъ — и другихъ насельниковъ области сей увидѣли: далеко въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ приживали два старца, одинъ изъ нихъ Миллеръ, о которомъ еще въ Дневникѣ Пресвященнаго Николая отъ 22 іюля 1893 года такая замѣтка имѣется: «За обѣдней приобщилъ св. Таинъ вновь присоединеннаго изъ лютеранъ нѣмца Іоанна Миллера. Онъ бѣглый каторжникъ съ о. Сахалина. Служилъ на Кавказѣ и былъ тамъ разжалованъ за то, что нанесъ оскорбленіе своему начальнику. Съ о. Сахалина бѣжалъ чрезъ Японию въ Америку. Здѣсь онъ женился на православной креолкѣ и открылъ въ Джуно хлебную торговлю. Узнавъ, что я приѣду въ Ситку, онъ

явился ко мнѣ и сталъ просить, чтобы я присоединилъ его къ православной Церкви. Онъ мнѣ разсказалъ чистосердечно всю свою жизнь исполненную многихъ и тяжкихъ страданій, съ умиленіемъ воспоминалъ о многихъ явленіяхъ къ нему милости Божіей, и наконецъ со слезами на глазахъ каялся во всемъ и просилъ молитвъ и прощенія. Этотъ добрый русскій нѣмецъ своимъ глубокоотрогатель-

Желобки съ водой, въ глубинѣ о. Миллеръ.

нымъ разсказомъ возбудить во мнѣ самыя живѣйшія къ себѣ симпатіи, такъ что я послѣ оглашенія, сдѣланнаго ему о. Донскимъ, рѣшился ничтоже сумняся присоединить его къ православной Церкви. Съ глубокою вѣрою и съ истинно христіанскимъ смиреніемъ при-

ступалъ онъ къ свитой Чашѣ: всѣ были эти въ тронуты. Приобщивъ же его свитыхъ Таинъ, я сколько въ наидниіе ему, столько же и всѣмъ предстоящимъ, сказали поученіе о томъ, какъ слѣдуетъ христіанину ходить во обновленіи духа».

Теперь Миллера мы нашли уже старикомъ бѣлымъ какъ лунь. Онъ все еще съ удивленіемъ возвращался своими воспоминаніями къ прошлому, говорилъ съ восторгомъ о Пресвященномъ Николаѣ, своемъ просвѣтителѣ, и поразилъ насъ разсказомъ о своемъ изцѣленіи на этихъ горячихъ источникахъ. Сразилъ его параличъ, хозяйство безъ дозора пошло прахомъ. Обищаль, на докторовъ истратился, а врачевства, что подъ бокомъ, до послѣдняго не надумался попробовать. Наконецъ совсѣмъ помирать часъ пришелъ. Пальцевъ согнуть не могъ. Рукой шевельнуть силы не было. Лежалъ какъ плеть. Кое какъ подъ конецъ изъяснилъ, чтобы сюда его изъ Ситки привезли. Здѣсь на день по нѣсколько разъ его въ ванны опускали, горячими водами поили. Попробу варили такъ, какъ только организмъ выдерживалъ. Муки что было... И вотъ результатъ: предъ нами хотя старый, но бодрый мужчина, — рубилъ деревья, распиливалъ ихъ на бревна и по такимъ буграмъ на своемъ плечѣ перетаскивалъ ихъ къ своему убогому домику, что дай Богъ и здоровому и молодому! Въ одинъ сезонъ на ноги поднялся, и работать сталъ!

— «Повѣрите, батюшка, такъ слабъ былъ — снѣжки поднять не могъ, а теперь — слава Господу, снова богатыремъ хожу... Николаевскій я», — съ гордостью добавлялъ онъ.

Рыболовы.—«Х».—Знаменитый «эксъ».

Такъ заскучалъ о. Всеволодъ нашъ по здоровью, такъ хотѣлось ему поскорѣе раздѣлать съ нами радости хожденія по невѣдомой землѣ, плаванія по водамъ со всѣми прелестями рыболовства и пр., такъ хотѣлось поскорѣе разстаться съ одромъ, на немже положенъ онъ былъ, что всѣ полумѣры онъ сразу

отвергъ, и никакихъ водъ внутрь принимать не похотѣлъ: «шутъ съ ней, желудокъ у меня сейчасъ еще держитъ, вотъ восты пошаритъ — пошарю»... И парилъ. Заберется въ ванну, вару напуститъ, кричитъ, стонетъ, а назадъ пи-пи!.. «Довольно», — кричитъ ему... «Выходите, отче! вредно вѣдь такъ по-

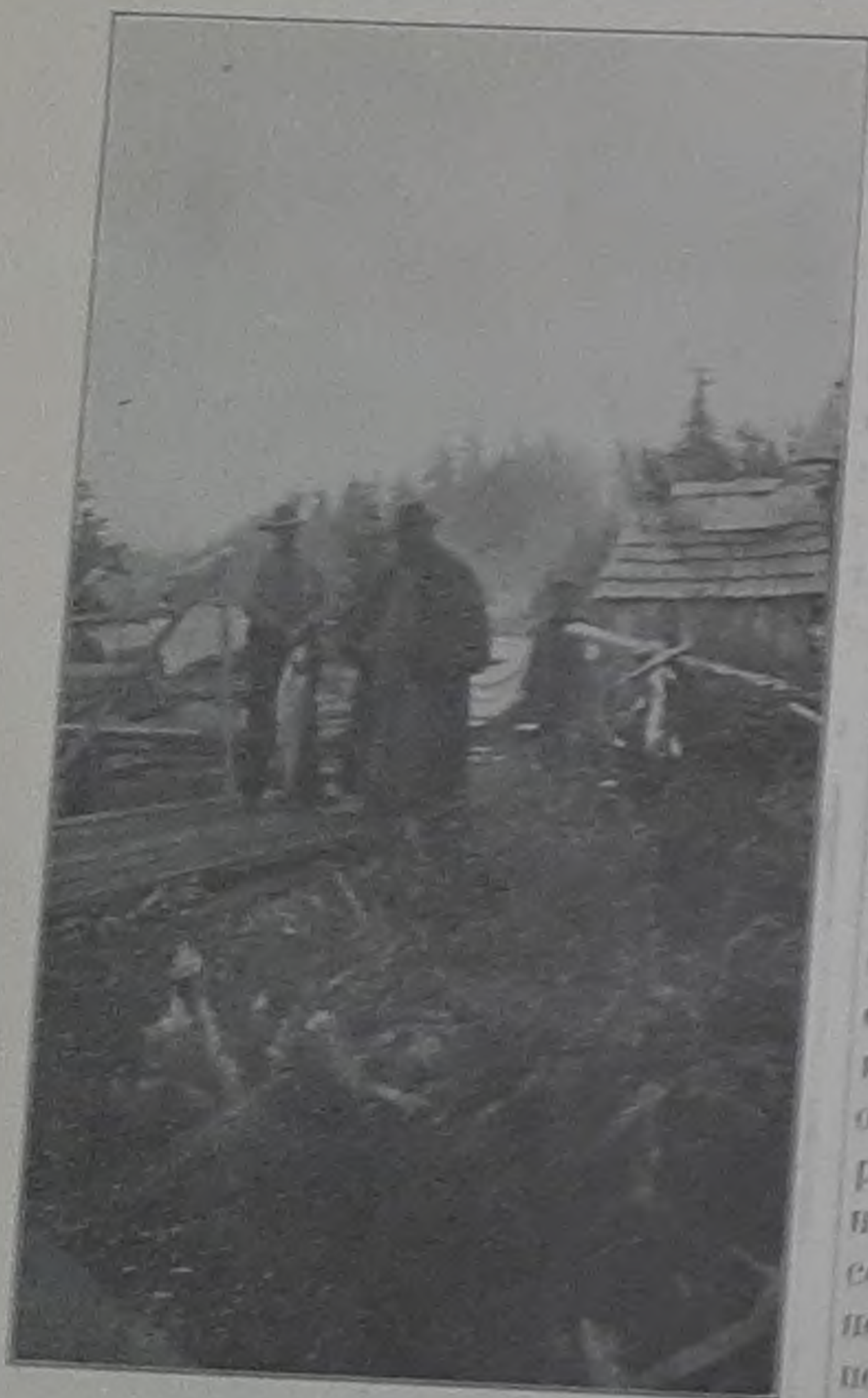

На рыбную ловлю.

долгу... Сваритесь!» Не слушаетъ. Еле живой переползетъ назадъ на койку и все ждетъ, не выросли ли уже крылья у него, не вспорхнетъ ли онъ, не побѣжитъ ли... Отлежится часъ— другой, и снова въ ванну, снова варится почти до безчувствія. И что же? Помогло. Не сразу, правда, не съ перваго дня. Но уже возвратилась къ нашему болицему бодрость, выполтъ

наверхъ изъ чемодана Пурокъ, загремѣли русскіе образцы, и сталъ о. Всеволодъ корреспондировать оныя своимъ многочисленнымъ знаемымъ...

А писать было когда. Нечѣмъ заполнить времени было. Пробытъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка здѣсь два дня и сталъ то-

Поездъ рыбной ловли.

не вышель. А Владыка въ первый же разъ такого левіаѳана изъ породы King Salmon-овъ крючкомъ подцѣпилъ и къ лодкѣ подвелъ, что странно было и взглянуть: не рыба, а теленокъ! Долго съ нимъ помучиться пришлось, пока илѣвникомъ оныя оказался. Рѣдкая рыба теперь это — даже въ этихъ водахъ... Схватить крючокъ, проглотить, и насаженъ вверхъ взовьется въ воздухѣ, а послѣ начнетъ водить лодку и туда и сюда, стрѣлой мчится куда-то, наконецъ покорно къ лодкѣ подплыветъ. — думаешь: вотъ ужъ добыча въ рукахъ, оглушить и конецъ!.. А она опять глубоко на дно... Минуть десять повижись, пока буйную головушку подъ обухъ она подставить... Я въ другой лодкѣ былъ, и ужъ какъ же мнѣ не хотѣлось съ пустыми руками возвратиться. А пришлось. Послѣдній мой крючокъ за скалу зацѣпился и оборвался, а я и радъ—честь спасена, рыба дескать обкусилась... А тѣмъ временемъ, смотрю, другой салмонъ въ сосѣдную лодку втягиваютъ. Много надо мною горе-рыболовомъ Владыка подсмѣивался, а я все на завтра надежды возлагалъ: придетъ-де и моя очередь. А завтра тоже самое!.. До того дошло, что чуть мы на берегъ, о. Всеволодъ, при всей почтительности ко мнѣ, видя, что рыбу изъ лодки опять несутъ, сталъ не спрашивая въ свой дневникъ отмѣчать: «Владыка опять изволили большую рыбу поймать, а о. протоіерей — конечно — ничего»... И даже въ письмѣ въ Нью Йоркѣ о семъ доложить, лишивъ меня возможности постѣ въ выгодную для себя сторону здѣсь пофантазировать и охотничьими разсказами публику удивить... Рыба здоровенная, очень здѣсь цѣнятся, и трудно поймать ее: намъ, однако, почти не пришлось ее и покушать, хотя ее на нѣсколько дней на дюжину чело-вѣкъ хватило бы! Нѣжное мясо, во рту таетъ, а все таки чуть чуть селедкой отдаетъ, ибо сельдями салмонъ питается.

Мало времени были мы по этимъ мѣстамъ, но дни долгими-долгими казались. Бродить я по горамъ, но такъ поросли они дере-

вѣтисями, хотя и думалъ ранѣе водами себя подкормить. Немного развлекала только рыбная ловля и экскурсія въ ту часть поселенія, гдѣ прежде индіанскія бараборы стояли. Рыбная ловля удавалась на славу. Рыба была съ поминавѣемъ, крючки различала. Ко мнѣ, какъ я ни старался, какъ ни горѣлъ желаніемъ поймать ее, на крючокъ не шла: чинномъ-де

помѣ, что еле еле подвигаться можно было. Подъ ногами часто почва колебалась — это старые спившіе повалившіеся стволы деревьевъ уже срослись съ землею, поросли мохомъ... Нѣтъ-нѣтъ, и увязнетъ нога... А то какими-то исполинскими лопухами закрыты рвы, даже странно. Такъ и ждешь, что изъ подъ нихъ выползетъ какая нибудь невидан-

Заброшенный источникъ.

ная гадюка и кинется на тебя. А на самомъ дѣлѣ ихъ здѣсь вовсе нѣтъ. Безмолвно. Жутко. Одиноко. Ни итащечки. Набрелъ случайно на третій источникъ. Тотъ же желтый осадокъ сѣры, — но температура низкая. Мѣста гдѣ въ старину, еще въ началѣ 19 столѣтія, стоялъ русскій госпиталь, такъ и не удалось мнѣ съ достовѣрностью опредѣлить. Вѣдь и задолго до прихода русскихъ сюда эти горячіе ключи туземцамъ извѣстны были, и сила ихъ цѣлебная многихъ сюда изъ нихъ собирала. И до сихъ поръ приходится видать нѣкоторыхъ индіанъ у источниковъ, — и ванны берутъ, и пьютъ. Для нихъ даже особая избушка у ключей устроена. Походишь такъ часъ другой, зайдешь къ Миллеру, стариной онъ угоститъ, поцлишишь съ нимъ бревно-другое, да куда за нимъ угнаться!, — и къ себѣ въ каюту... Благо, владѣлецъ источниковъ кое-

какую библіотечку въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы пристроились, соорудить. Только что углубишься въ какіе нибудь шедевры домо-рощенныхъ литераторовъ и историковъ, въ открытыя двери доносится убѣжденное діаконское:

«Чу-у-у-деса!»...

Тутъ ужъ никуда не спрячешься. Удивляется ли о. Всеволодъ, негодуешь ли, еще не знаешь. Знаешь только, что значить, урокъ англійскаго языка въ разгарѣ, и технику преподаванія англ. словъ языкъ болящій постигнуть пытается. Учителемъ онъ избралъ юношу, сына доктора, который очень къ нему любезную привязанность восчувствовалъ и во всемъ помогать: и обѣдать больному принесть, и печку истопить, и по англійски бесѣдуетъ, и охотно, сколько могъ понять вопросы о діаконѣ, на нихъ отвѣчаетъ... А самъ по русски, разумѣется, ни слова...

«Чу-у-деса!»... все громче повторяетъ о. діаконъ... Очевидно, ему надо подѣлать съ

У заброшенной индіанской избушки. Кѣмъ нибудь свое изумленье, и хотя я чувствую, что онъ уже вспомнилъ обо мнѣ, но упорно молчу. Все равно, еще посвятить онъ меня въ свои думы...

— Ну, какъ къ примѣру эта буква? ты-четь онъ къ книгѣ своему приятелю, папирая перетомъ на «х». «Тисъ, плиз, сэр!»

Американецъ мигомъ смекаетъ:

— «Эксъ!»

— Эксъ?... протягиваетъ недоувѣрчиво о. Всеволодъ... Но, но! вы меня, сэръ, не поняли... Но андерстанъ, сир? Я про эту только од-

ну букву спрашиваю, — тисъ буква, си? this one буква, си? Йесь? йесь?

— «Йесь»!.. пытается сдѣлать удовольствіе ученику юноша.

Но, но! Но йесь, — возражаетъ діаконь... Плизъ тисъ.

— «Эксъ!» убѣжденно повторяетъ тотъ.

— Эксъ? Это «эксъ»?.. Ахъ, шутъ-те...

— А «ха», отче, сколько буквъ?..

— «Ха»? Одна, конечно!.. А у нихъ три... Ну языкъ, шутъ ихъ... У нихъ что «ха», что яйца (eggs), все едино... Ну, коли эксъ, такъ эксъ... Да я ужъ запомню... Чуть что — яйца, и готово... Вѣрно, братъ, твоя правда, — одобрительно хлопаютъ онъ по плечу свое-

Въ окрестностяхъ Hot Springs.

Быть не можетъ! Э-к-с, считаетъ онъ по пальцамъ... Three! Си, три?... One — three?..

— «Йесь, экс»...

— Скажите пожалуйста!.. О. Всеволодъ всей фигурой обращается въ недоумѣніе... «А Рошшанъ — one «ха» — си? Рошшанъ—ха... Вон буква... А иглиш три буква... Чудаки то какіе!... Вѣдь вотъ, сдѣлайте милость, о. протоіерей, — не выдерживаетъ о. Всеволодъ, направляясь въ мою комнату... Ахъ, простите, я думалъ, что вы спите... наше то «ха» у нихъ за три буквы идетъ:: экс, говоритъ... Ужъ такъ ли я ихъ и понялъ?... У насъ одна буква «ха», а у нихъ цѣлыхъ три... Э, — палець книзу... К, — другой палець книзу и С, — еще палець книзу... Э-к-с!... Чудно что-то!..

го ментора, забывая что тотъ ни въ зубъ по русски... Протоіерей сказалъ, что твоя правда, а онъ, братъ, у насъ... того... Мы, братъ, русскіе на всѣхъ языкахъ... Ну, ничего, ничего, и ты гудь... Рошшанъ гудъ, американь гуд... Вери гудъ. Такъ «эксъ» это говоришь... Ну, дѣла!..

Какъ азбука подошла къ концу, я не знаю, ибо на другое утро Высокопреосвященнѣйшій Владыка благословилъ ѣхать въ Озерный Редуть, куда, по нашимъ соображеніямъ, уже должны были прибыть воспитанники приюта для заготовки на зиму рыбы. Изъ Озернаго Редута имѣлось въ виду возвратиться сюда назадъ за вещами и тогда уже проѣхать въ Ситку. Но не такъ склалось, якъ ждалось.

Редутскій китъ. Дома.

Выѣхали мы при прекрасной погодѣ. После непрерывныхъ дождей приятно было полюбаваться и чистымъ небомъ и солнышкомъ. При моторѣ сидѣлъ тотъ же юпоша, что вчера проскѣщаль тройными буквами о. Всеволода, оставленнаго въ Hot Springs на леченіе, а лодкой правилъ о. А. Кашеваровъ. Лодочка на сей разъ была небольшая, некрытая газелинка. Пути предстояло больше полутора часа, — почти треть дороги къ Ситѣ.

Проѣхавъ открытыя мѣста, мы вошли въ лабиринтъ островковъ, проливчиковъ, заливчиковъ и т. д. Надо было удивляться какъ могли ориентироваться въ этой массѣ развѣтлений приморскихъ наши кормчіе. Тутъ и тамъ мы проѣзжали мѣста до тожественности схожія, а между тѣмъ, лодочка шла все съ тою же скоростью и подвигалась впередъ и впередъ. Вдругъ кто-то изъ нашихъ спутниковъ сталъ пристально вематриваться вдаль, и у берега указалъ намъ на какой то странный предметъ, еле замѣтный для глаза, необычный своей формою.

— «Что бы это было? — заинтересовались наши проводники. Неужели китъ?.. Конечно, китъ. Прибыло къ берегу, а можетъ быть волной выкинуло»...

Рѣшено было подойти ближе къ чудовищу. Моторъ остановили, и мы подошли почти вплотную на веслахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ у самаго берега лежалъ маленький китъ, околѣвшій и застывшій на поверхности. Вотъ кабы это въ селеніи индіанскомъ: то то ликовація было бы! То то праздновали бы!.. Ни за что не подумалъ бы, что это китъ: точно балонъ наполовину разряженный и упавшій бокомъ на землю, сморщенная складками кожа, круглое нѣчто... А вѣтромъ тѣмъ временемъ отнесло насъ нѣсколько дальше по ту сторону кита... И вдругъ какъ пахнуло на насъ падающею, до одуренія! Только и успѣли застонать: «подаальше, скорѣй, скорѣй!».. А куда тутъ дѣнешься?.. Лодочный винтъ завязъ въ водоросляхъ, весла безпомощно по-

вели, моторъ молчалъ... Мы задыхались. Внору было броситься въ воду, чтобы скорѣе спастись отъ этого ужаснаго зловонія... Секунды казались часами, и послѣ мы давно уже снова неслись по гладкимъ водамъ, а все еще насъ преслѣдовала отвратительная запахъ этого ужаснаго кита... Вся позвѣя поѣздки была имъ испорчена. Точно мрачное облако пронеслось надъ нами.

И въ самомъ дѣлѣ, небо заволжлось ту-

Редутскій китъ.

чами. И мы какъ то незамѣтно для себя вступили въ сферу сначала какой то сырости, а послѣ мелкаго проливывающаго неприятнаго дождя. А прикрыться нечѣмъ было... «Дождь, — значитъ Озерный Редутъ недалеко!» рѣшилъ о. Андрей. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли баржу рыболовную, закидывавшую сѣти, и узнали на ней нашихъ прихожанъ индіанъ. Узнали и они Владыку и стали по своему привѣтствовать Архипастыря... Лица, однако, были не особенно веселыя, хотя кита они не встрѣчали; — просто ловля была изъ рукъ вонъ плоха. Японцы все переловили и рыба сюда не идетъ, жаловались нѣкоторые. — А прибыли ли наши семинаристы?.. — Нѣтъ, отвѣчаютъ, при такой погодѣ ѣхать нельзя было...

— «Ну, тогда и намъ здѣсь дѣлать нечего», рѣшилъ Владыка. Да и въ самомъ дѣлѣ, куда же было тутъ приткнуться? По мосткамъ поднялись было на берегъ Редута, но тамъ столько грязи оказалось, что пристѣть негдѣ было. Такъ только, мимолетно взглянули на

водопадъ протекающій съ правой стороны, на баржи съ рыбой, послушали духовую музыку, раздававшуюся изъ лѣса, гдѣ живутъ лѣтомъ колоши, и — снова въ лодку.

— Въ Ситку! — распорядился Его Высокопреосвященство.

Озерный редуть.

Мы думали, что ослышались.

— Нѣтъ, въ Ситку. Газелину хватить? Довезете?

— Попробую. Погода только неважная, вѣтеръ будетъ.

— Ничего. Погода сейчасъ прояснится. Вещи послѣ доставите. Надоѣло безъ дѣла сидѣть. Все равно завтра въ Ситку возвращаться.

И поѣхали въ Ситку. Долго еще насъ мочило. Хорошо, что хоть китъ въ сторонѣ остался. Но вотъ полоса дождей порѣдѣла позади, опять вынырнуло солнышко, повеселѣли путники, и даже о пирожкахъ рыбныхъ вспомнили, и честь имъ отдали. Сильно покачало насъ въ открытомъ морѣ, обдавало не разъ задорной волной, но ко всему привыкаешь: въ этой маленькой лодчонкѣ теперь меньше тревоги переживали мы, нежели при прѣздѣ изъ Ситки въ Hot Springs. И хотя говорилъ о. Андрей, что переходъ нашъ этотъ не безопасенъ былъ, но — разъ дѣло прошлое, ахать нечего. Вдали показалась наша милая, добрая старушка Ситка. И теперь показалась она мнѣ еще болѣе дорогою и близкою, чѣмъ прежде. Рулевой нашъ не ударилъ въ грязь. Ловко подѣхалъ онъ къ исполненнымъ бревнамъ уложеннымъ прямо по водѣ прилегающей къ берегу, и по нимъ, возглавляемые Владыкой, прошли мы прямо къ архіерейскому дому, гдѣ пріютчане замѣтили уже Архипастыря и радостно бѣжали ему на встрѣчу принять Святительское Его Высокопреосвященства благословеніе.

А. Х.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

«0»

ПОѢЗДКА МОЯ НА РОДИНУ.

(Продолженіе.)

Родина наша-матушка Русь такъ обаятельна, такъ дорога не только для насъ родившихся тамъ отъ коренныхъ русскихъ, воспитавшихся тамъ въ глубоко и чисто русскомъ характерѣ и направленіи и проводившихъ тамъ лучшіе годы своей жизни. Россія — это страна обаятельная для всѣхъ европейцевъ, для всѣхъ народовъ всего міра. Каждый — европейецъ-ли, американецъ-ли, просвѣщенный всѣми современными науками, открытіями и усовершенствованіями, или простецъ до дикости упрощенный въ условіяхъ своей жизни — всѣ, всегда восхищаются нашей роди-

пой, восторгаются ею, долго вспоминают о ней съ любовью. Даже тѣ, для которыхъ нѣтъ и не будетъ отечества, тѣ, которымъ волей судьбы пришлось осѣсться въ Россіи, тѣ, которые потомъ оставили ее и враждуютъ съ нею и тѣ съ особой настойчивостью стремятся туда обратно, добиваются стать тамъ равноправными съ родными сынами Великой Родины... Правда Божія, къ которой такъ стремятся русскіе люди, любовь ихъ братская ко всемъ народностямъ міра, радушіе, хлѣбосолюство русское, привѣтливость, русская безхитрость, открытость, довѣрчивость чисто дѣтская, немстительность... вотъ что такъ привлекаетъ міръ къ нашей Родинѣ, вотъ чѣмъ такъ обаятельна наша матушка Русь... И пока она будетъ такова, при своемъ наиболѣе могучемъ средствѣ — своей вѣрѣ святой православной, всегда она будетъ такъ обаятельна для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для насъ родныхъ сыновъ ея... Но еще болѣе дорога она — наша родина могучая — когда поживешь годъ-другой на чужой сторонѣ. Какъ дорого и отрадно вспоминать все что уже ты знаешь, видѣлъ и понимаешь изъ своей родной жизни. Вотъ почему и желательно еще разъ вспомнить про нее, подѣлиться съ братьями родными видѣннымъ и слышаннымъ тамъ. А мнѣ теперь пришлось хотя мало бывать вездѣ, но всетаки побывалъ я и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, былъ на древней Воляни, въ столицѣ малороссія — Харьковѣ, въ Полтавѣ, пожилъ съ недѣлю въ святомъ Кіевѣ и конечно провѣдалъ свой родной Курскъ. Вездѣ я видѣлъ все тѣхъ-же своихъ такъ милыхъ и такъ добродушныхъ русскихъ людей. Родину я оставилъ четыре года тому назадъ, когда она несчастная развернулась во всю ширь своей необъяснимой революціи. Тогда не знали люди что было имъ дѣлать, не сознавали, что дѣлали. Требовалось тогда определенное слово и прямое отношеніе къ народу предупредительное. Народъ не зналъ даже, что нельзя грабить безнаказанно и нуждался даже въ такомъ предостереженіи. Какой-то шкваль

подхватилъ деревню и понесъ ее по направленію стихій. И не знало духовенство что пузю было предпринять. Не было указателей. Сейчасъ всюду уже спокойно, сдержано. Народъ пришелъ въ сознаніе и начинается уже правильная, спокойная и честная жизнь и въ городѣ и въ деревнѣ. Слава Богу. И отрадно было ѣхать по Родинѣ и видѣть стремленіе родного народа къ упорядоченію своей жизни, къ улучшенію...

Первымъ всетаки пришлось мнѣ видѣть свой родной Курскъ. Расположенный на горахъ и разделенный рѣкой Куръ на двѣ почти равныя части, весь въ плодовыхъ садахъ, съ старыми храмами онъ и теперь представляетъ древнѣмъ городомъ старой матушки Руси. Главная святыня города чудотворный образъ Курской Коренной Божіей Матери, кромѣ того Курскъ — родина и Θεодосія Печерскаго и Θεодосія Черниговскаго и Серафима Саровскаго. Прибывъ въ Курскъ и поклонившись чудотворному образу — нашей Великой родной святынѣ, я непосредственно послѣ сего направился къ нашему также родному 25-лѣтнему о. Ректору Семинаріи, Протоіерею Іакову Андреевичу Новицкому. Насколько это великій ректоръ нашъ, говорить уже одно то, что онъ сдѣлалъ двадцать цѣтъ выпускковъ семинаристовъ не менѣе какъ по 80 человекъ каждый выпускъ. Если половина всѣхъ ихъ теперь священники, то цѣлая тысяча іереевъ Божіихъ служатъ въ Курской церкви и возносятъ свои благодарныя моленія за своего добраго и милостиваго Отца Ректора. Ректоръ о. Яковъ Андреевичъ Новицкій — самая уважаемая личность въ Курской нашей епархіи. Ученикомъ нашего отца Ректора былъ и нашъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Платонъ, всегда съ искренно-сыновней любовью вспоминающій своего «Отца Ректора — Якова Андреевича». Когда я передалъ привѣтъ нашего Владыки — отецъ ректоръ заплакалъ отъ умиленія и втеченіе двухъ часовъ бесѣды своей все вспоминалъ о своей «гордости, отрадѣ и утѣшеніи, о своемъ ученикѣ»

Высокопреосвященнѣйшемъ нашемъ Владыкѣ Платонѣ. Зашелъ я и въ Семинарію. Сколько всколыхнулось воспоминаній. Здѣсь всегда мы забѣгали въ «швейцарскую», спрашивая писемъ изъ дому, больше «новѣстокъ». Вотъ первый классъ, тутъ всегда боялись мы алгебры, которую такъ строго преподавали нашъ то-же «Курскій инспекторъ» В. А. Ключаревъ, теперь уже блаженной памяти. Умеръ онъ только недавно, прослуживъ въ Семинаріи 50 лѣтъ. Его знали еще наши дѣды, бывшіе то-же учениками его... Второй классъ — 1-е отдѣленіе —, вспоминается «словесность» и преподававшій ее добрый наставникъ И. П. Оболенскій. Заглянулъ и въ третій классъ, гдѣ ставилъ мнѣ пятерки по Св. Писанію А. А. Бронзовъ. Въ четвертомъ классѣ также стояли парты, какъ и при мнѣ. Здѣсь мы слушали философію нашего любимого заступника могучаго — Якова Андреевича Новицкаго, пылнѣшняго Отца Ректора. Пятый классъ напомнилъ мнѣ наше общее увлеченіе тогда вопросомъ о свободѣ воли... А вотъ и шестой классъ. Тутъ уже мы мечтали «о служеніи народу», говорили о необходимости «идти въ народъ»... Эта мечта такъ захватила насъ, что нѣкоторые наши достойнѣйшіе товарищи отказались отъ высшихъ школъ и «пошли въ народъ», ставъ священниками. Гдѣ-то теперь вы, милые и добрые товарищи, какъ теперь привяла васъ жизнь? Многимъ, многимъ уже давно вѣчная память, царство небесное... Въ Курскѣ я еще посѣтилъ своего бывшего помощника Инспектора, теперь преподавателя исторіи Василя Константиновича Спасекаго — товарища по Семинаріи нашего Владыки Платона. Особенно свѣтлая и обязательная личность — Василій Константиновичъ, его всегда любили семинаристы и тогда, любить и теперь. Все время онъ разспрашивалъ про Владыку, про Миссію, про задачи наши въ Америкѣ и усеѣхъ, и искренне радовался такому расширенію нашего здѣсь дѣла. Спасибо ему за его добрую и такъ сочувственную радость. Утѣшительно и от-

радно дѣлается на душѣ, когда видишь такихъ добрыхъ людей и руководителей уже не насъ, а нашихъ меньшихъ братьевъ и сыновей...

Изъ Курека я долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы присмотреть здѣсь и испросить отпускъ для монашествующихъ, которыхъ мнѣ было поручено набрать человекъ 10—15 для Миссіи.

Славный городъ Владиміра святыи Кіевъ... кто не восхищается имъ, кто не восторгается его чисто внѣшними красотами, его садами на горахъ, его Дибромъ у подножія этихъ горъ, его чистыми широкими улицами, его прекрасными зданіями... Какая православная душа не умиляется Святынями Кіевскими, не трепещетъ свитыми порывами религіознаго экстаза при одномъ видѣ только однихъ храмовъ златоглавыхъ, при поклоненіи всѣмъ святынямъ Кіевскимъ... Называютъ Москву «златоглавой», но это названіе болѣе справедливо для Кіева. Въ Москвѣ золотыя главы блестятъ только когда смотришь съ Кремля, и то уже не такъ часты. Кіевъ весь горитъ огнемъ золота отъ множества церквей съ вызолоченными не только главами, но и куполами...

Свящ. Іоаннъ Слюнинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

«О»

СЛАВЯНСКОЕ УЧАСТІЕ ВЪ ВЫСШЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Высшее образованіе, въ точномъ смыслѣ слова, началось въ Англіи еще въ 872 году, когда король Альфредъ основалъ Оксфордскій университетъ; въ среднихъ вѣкахъ высшимъ образованіемъ наиболѣе владѣла Италия, имѣвшая еще тогда 15 университетовъ; въ настоящее же время Сѣв. Америка, имѣющая 498 университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, преимуществуетъ въ высшемъ образованіи.

Репутацію тому или другому университету даютъ старина и научная сила, въ которую входятъ профессорскій персоналъ, съ одной стороны, и, съ другой стороны, библіотека и научные инструменты, но иногда университетъ получаетъ славу отъ своего бывшего воспитанника,

какъ отъ Коперника Краковскій университетъ (основанный въ 1364 году польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ). По старинѣ во весь мѣръ славятся слѣдующіе университеты: Оксфордскій (съ 872 г.), Парижскій (съ 1200 г.), Болонскій (съ 1200 г.), Падуанскій (съ 1222 г.), Неапольскій (съ 1224 г.), Саламанскій (съ 1240 г.), Кембриджскій (съ 1275 г.), Пражскій (съ 1384 г.), Упсальскій (съ 1477 г.), Копенгагенскій (съ 1479 г.), и т. д. По научной силѣ весьма почетное мѣсто занимаютъ С.-Петербургскій и Московскій университеты (основанные имп. Александромъ I въ 1802 году). Въ Америкѣ между американскими высшими учебными заведениями по старинѣ и научной силѣ первыми считаются: Harvard (въ Cambridge, Mass., основ. въ 1636 г. и имѣющій въ своей библиотекѣ почти милліонъ разныхъ книгъ), Yale (въ New Haven, Conn., основ. въ 1701 г. и имѣющій болѣе 600,000 томовъ разныхъ книгъ) и Columbia (въ New York, основ. въ 1754 г. и имѣющій до полъ милліона томовъ разныхъ книгъ). Columbia финансами превосходитъ все остальные въ отдельности и сотни вмѣстѣ взятыхъ высшихъ учебныхъ

заведеній. Этотъ университетъ имѣетъ почти 40 милліоновъ долларовъ продуктивнаго фонда, а ежегодно получаетъ болѣе двухъ милліоновъ долларовъ отъ разнакъ благотворителей (между которыми былъ и покойный Іос. Пуаншере, владѣтель Нью-Йоркскаго World и в Сентъ-Луисскаго Dispatch-Post) и до трехъ милліоновъ долларовъ отъ студентовъ за право ученія, земленные налоги и т. п. Въ этомъ университетѣ работаютъ и сербскіе ученые — проф. Михайль Пупинъ и Николай Тесла, получившіи въ этомъ году Нобелеву награду по физикѣ. Кстати еще четверо славянъ (Марія Кюри — по происхожденію полька — за изобрѣтеніе радія, русскіе доктора Павловъ и Мечниковъ по медицинѣ и полякъ Генрикъ Сенкевичъ по литературѣ за Quo Vadis) получили награды Альфреда Нобеля, шведскаго ученаго, изобрѣтателя динамита, умершаго въ 1896 году и завѣщавшаго \$9,000,000, чтобы съ процентовъ ихъ ежегодно выдавать награды тѣмъ, которые своею ученостію наибольшую пользу человечеству принесутъ.

Свящ. Ф. Среданковичъ.

The Normal Statute

for the Parishes of the American Orthodox Diocese.

(Continued.)

§ 36. The resolutions of the parish meeting are recorded by the parish secretary in a special book of protocols kept in the church archives, if possible without any delays, and are signed by the chairman and all the present either personally or through a representative. A copy of resolutions, confirmed by the priest, is sent within the week to the Rural Dean (blagochinni), who has the right to protest against it within 30 days, in which case he sends it together with his own report to the Supreme Authority of the Diocese.

§ 37. Parishioners dissatisfied with the resolutions of the parish meeting may send their complaint to the Rural Dean (blagochinni) within 30 days, and he is to examine it within a period of time not longer than 30 days.

§ 38. The resolutions of the parish meeting through the Rural Dean (blagochinni) are submitted to the examination and confirmation of the Authority of the Diocese.

§ 39. The Rural Dean (blagochinni) may take part in the meeting of the parish, if the Authority of the Diocese, the parish priest, the parishioners or he himself wish that he should do so.

The Parish Church

§ 40. The parish church is the holy place of the parish and, therefore, the care of the good order of the church and the good condition of objects necessary to it is the first and the chiefest duty of the clergy as well as of the Parochial Council and meeting.

§ 41. Churches and chapels are established on the resources of the parish and gifts of private benefactors, in strict compliance with the ecclesiastical and civil law to that effect, but not unless the Archbishop of the Diocese knows of and consents to the establishment which is made in his name in trust for the congregation and also insured in his name.

§ 42. When local resources are lacking but the

need of a church in a certain locality is obvious, for missionary or other purposes, a church may be built with money which the Diocese has at its disposal.

§ 43. In populous parishes several churches may be built in dependence on others and in cemeteries. In widely scattered parishes where parishioners can not attend their parish church regularly, the Archbishop may allow the establishment of separate chapels or houses of prayer in the villages of the parish. The erection of chapels and houses of prayer is also allowed in cemeteries that the service for the dead may be performed in them and other services also, if the regular church should be destroyed by fire, until the erection of another, in case the church under which the dependent chapel is inscribed happens to be too distant.

§ 44. In houses of prayer, day services and Te Deums may be sung in the usual order, but in special cases by permission of the Archbishop, the Divine Liturgy may be also celebrated on a portable antimins.

§ 45. When an independent parish is merged into another, the church building and property become the property of the church on which it becomes dependent. When a part of a parish is transferred to another parish the part transferred loses its right to the church and parish property of the parish it leaves. When a part of a parish becomes an independent parish it may keep only that part of the property of the church and parish it leaves which is granted to it by the parochial meeting.

§ 46. When parishioners leave the orthodox church for some other denomination as well as when the parish is abolished for some other cause, the parish church, its dependent chapels, and all the property of the former church and parish shall be left at the disposal of the Head of the Diocese.

§ 47. Minor repairs and improvements of churches and chapels carried out without departing from the original plan or moving the altar shall be ordered by the Parochial Council; the supervision of the works shall be the duty of the clergy and the church warden; when the building is completed, the inspection of the work shall be made by the clergy and the Parochial Council together. The results of the inspection must be recorded in the accepted way. But more considerable repairs shall be carried out only by permission of the Archbishop of the Diocese, on plans and estimates approved by him, under the supervision of the Rural Dean (blagochinni) and a special building committee, the church warden and some well informed

and trustworthy parishioners elected by the parish meeting.

Church and Parish Property.

§ 48. Church and parish property is of two kinds: 1) property belonging strictly to the church which according is under obligation to inscribe it and insure as the property of the Archbishop of the Diocese in trust for the congregation; 2) property belonging to the parish. The church shall have the rights of ownership over the first class; the parish owes the second class.

§ 49. Property of the first class consists of: 1) a) objects necessary for church use, b) movable and immovable property offered for the purpose of improving the building, the vestments and the vessels; c) money received by the church treasury from various sources, namely: from collections established in the parish, profit from the sale of wax candles, box and bag offerings, sums remaining from preceding years, revenues of immovable property and objects for lease and various minor profits, like the payments for various objects used in weddings and funerals, the bread used in sacraments, etc.; 2) movable and immovable property and capital, destined for the support of the clergy; and 3) movable and immovable property and capital given or willed to the church specially (in profit, in ownership, etc.), though with a special destination, for purposes of religious instruction and the charities of the parish.

§ 50. Property of the second class consists of movable and immovable property donated for the purposes of religious instruction and the charitable activity of the parish. Under this head come: a) voluntary contributions, b) collection within and without the parish, c) voluntary offerings in subscription lists, d) revenues from immovable property owned by the parish, e) collections by order of the general parochial meeting etc., etc.

§ 51. The managing and disposition of church property of the first class belongs to the church officials with the participation of the parishioners, in the established order; the managing and disposition of the property of the second class belongs to the parish meeting and Parochial Council respectively.

(To be continued.)

Редакторъ,
Каедральный Прот. А. Хотовицкій.